

13 апр. - с. 2.

Красное вино Питера Брука

Одним из наивысших достоинств режиссера Питер Брук считает серьезность. На пресс-конференции, вежливо, но твердо уходя от малоинтересных для него вопросов, он предпочитал говорить о главном — о театре, которому отдал более полувека, и о постановке пьесы любимого им Сэмюэля Беккета, которая и стала причиной его нынешнего приезда в Москву.

Единственная причина, по которой мы работали над пьесой "О, дивные дни", это Беккет. Если вы рассчитываете увидеть на этот раз демонстрацию режиссерской техники или же блистательные актерские работы, то не приходите. Это не шутка. Если мы приглашаем вас на красное вино, а вы пришли в надежде выпить водки, вам никогда не понравится красное вино.

Для меня театр Беккета совершенно уникален. Существует античный театр, театр Шекспира, театр Чехова и театр Беккета. Они абсолютно разные. Беккет не принадлежит ни к одной школе. Считается, что он является представителем театра абсурда, но это совершенно неверно. Как Наташа (актриса Наташа Парри, жена Питера Брука. — **Ред.**) только что мне прошептала, абсурдно причислять его к театру абсурда. Беккет пытался создать современный театр, избегая при этом всяческих клише, каких-нибудь полицейских, автоматов, коктейль-баров, благодаря которым театр может показаться современным. Он придумал совершенно новые картинки, про которые нельзя сказать, что они древние, но также и нельзя сказать, что они новые. Они стали результатом его собственного глубочайшего страдания и его богатейшего художественного воображения. В результате его пьесы, которые сначала воспринимались как авангардные, играют гораздо чаще, чем пьесы любого из ныне живущих драматургов. Потому что картины, которые он создал, понятны людям любой страны. В пьесе, которую мы будем показывать сейчас ("Oh les beaux jours"), посреди пустыни, реальной пустыни, живет женщина, закопанная по пояс в песок, а ее муж живет в яме еще глубже. Беккет не пытается ничего объяснить, но при этом у зрителя возникает целая гамма чувств, воспоминаний и отношений к самому себе. Беккет создал театр абсолютно законченный как в области слова, так и в области изображения, символов, движения и жестов. Поэтому его пьесы скорее похожи на партитуру музыканта. И каждая мельчайшая деталь была заранее им предвидена. Он пишет слова как поэт, но он же и создает действие как хореограф. Нам кажется, что мы привозим в Москву театр, который имеет смысл для людей, живущих сегодня. Это не наш театр, это театр Беккета.

х х х

Меня не интересуют театральные школы и стили, меня не интересуют тексты, великие авторы, великие актеры и режиссеры и меньше всего меня интересуют великие теоретики. Мне кажется, есть только одна вещь, которая интересна для нас, — понять, что такое жизнь. А для этого нужно сделать одну простую вещь: нужно эту жизнь оживить.

Можно, конечно, взять жизнь и погрузить ее в сон — это одна из черт телевидения, которое берет какое-то событие, укладывает его в некую коробочку, после чего главное качество этого события куда-то исчезает. Но все, что мы называем театром, имеет интерес, только

если мы выходим за пределы театра. Как говорится, многие дороги ведут в Рим. Точно так же есть множество путей к сердцевине человеческого опыта или переживания. Этого можно добиться импровизацией на улице, на пустой сцене, в комнате, можно достичь в результате очень кропотливой работы над тщательно разработанным сценарием, это можно сделать с помощью великолепно роскошного зрелища и с помощью чего-то очень простого. Все это не очень важно. Важно лишь качество переживаний, которые мы испытываем в результате этих действий.

х х х

Когда я вижу безупречный спектакль, у меня пропадает всякое желание поставить эту пьесу. Какой смысл делать что-то заведомо хуже. Когда я первый раз приехал в Москву лет сорок назад, я увидел во МХАТе спектакль "Три сестры", и он мне показался самой лучшей постановкой "Трех сестер", которую нельзя превзойти. И хотя сейчас все изменилось, я никогда не мог себя заставить поставить "Три сестры", именно потому, что я видел их во МХАТе.

х х х

Сейчас мы работаем над одной пьесой, в которой звучат голоса Станиславского, Мейерхольда, Гордона Крега, Антона Арто. И цель этой работы очень проста. И так же просто было бы составить из высказываний этих людей, чьи воззрения на театр отличались радикально, диспут и показать некий конфликт. Наша же цель не в том, чтобы показать, что кто-то из них был прав или, наоборот, заблуждался, а показать, какая это безумно трудная задача — найти правду о театре. И что каждый из них нашел некий осколок этой правды, который сочетается с другими осколками. Придерживаться одного направления и отрицать другие — безумие. Это делают обычно ученики. Станиславский и Мейерхольд в конце жизни пришли к убеждению, что они делали одно дело и были во многом близки. А мы понимаем, что наша жизнь была бы намного беднее, если бы одного из этих пионеров театра не существовало. И тем не менее ни один из них сегодня не заслуживает того, чтобы ему слепо следовали и не подвергали сомнению. Это относится и к Станиславскому, и к Брехту, потому что и одному, и другому их безумные поклонники до сих пор наносят вред.

х х х

Первый вопрос, который мне задали еще в аэропорту, был о том, как я оцениваю состояние вашей страны. Меня даже спросили, за кого бы я проголосовал. У вас и так есть множество невежественных людей, дающих советы. Зачем вам совет еще более невежественного человека, который не имеет ни малейшего представления о том, куда он приехал?..

Ольга ФУКС.

На снимке: Питер Брук с Наташей Парри.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.